

“КОПНЕШЬ ЖИЗНЬ — ВСЕ ИНТЕРЕСНО”

Газета
2003-21
авт.-с. 111

Виктор Розов — Газете

Сегодня исполняется девяносто лет знаменитому отечественному драматургу Виктору Сергеевичу Розову. Без преувеличения его можно назвать эпохой советского театра и кино. С Виктором Розовым встретился корреспондент Газеты Артур Соломонов.

Часто ли вспоминаете прошлое, есть ли особенно дорогие эпизоды?

Вы не можете себе представить, как плохо я когда-то жил. Голодный, холодный...

И еще в это время женился. Почти десять лет добивался руки любимой девушки, а привел — куда? В келью Зачатьевского монастыря! Там я и жил, это была одна из крохотных комнат огромной коммуналки, в которую превратили бывшую обитель. И тогда мне в жизни помогло чудо.

Но у этого чуда есть своя предыстория.

В 1943 году, когда я руководил фронтовой бригадой, мы ездили с гастрольями в разные места. К тому времени меня уже ранило, воевать я не мог. И вот, помню, были мы на Рыбинской ГЭС, которую строили заключенные. Проходит наш концерт, и вдруг из толпы заключенных выходит женщина — властная, статная — и говорит: «Кто автор этого представления?» Я робко, с костью выхожу и тихо говорю: «Я». Она: «Я Наталья Сац. Значит так, я выхожу из заключения в сорок пятом году, получаю русский театр в Казахстане, я уже об этом договорила. Я вас приглашаю туда для поста-

Фотограф: Юрий Штукин/Газета

новки первого спектакля в моем театре». Имя Натальи Сац, конечно, было мне знакомо — знаменитая хозяйка первого театра для детей, но в тридцатые ее имя резко исчезло из афиш и мало кто знал, что с ней случилось, — и вот такая встреча. Прошла война, и все это забылось.

Окончание на странице 11

Виктор Розов: копнешь жизнь все интересно

Фотограф: Юрий Штукин/Газета

Окончание. Начало на странице 01

И вот мы возвращаемся к тому времени, о котором я говорил: я голодный, жену кормить нечем, одеть ее не во что, келья крошечная... Актером быть нельзя — я хромым после войны. Писать тоже пока не думал. Вдруг приходит письмо на правительственном бланке: «Здравствуй, к вам обращается Наталья Сац. Наша договоренность в силе. Я сейчас в Алма-Ате. Жду вас». Я еду в Алма-Ату, ставлю «Снежную королеву», получаю очень хороший гонорар. Потом... Ну, я это не люблю вспоминать, но ладно. Она мне тогда сказала: «Я вижу, вы очень хорошо пишете. Давайте с вами

заклучим договор на современную пьесу. Аванс я заплачу немедленно». Я обрадовался, взял гонорар, уехал и... забыл о своем обещании. Сначала вдохновения не было, потом просто забыл. Через некоторое время приходит телеграмма: «Это Наталья Сац. Если в течение месяца вы не представите пьесу или не отдадите аванс, я подаю в суд». Ну, поскольку аванс давно проеден, я сел на кухне, и за три недели написал первую свою пьесу, которая называлась «Ее друзья». Так что Сац дважды вмешалась в мою жизнь, перевернув ее. А если вспомнить время обучения у Марии Бабановой... Я тогда был ее студентом,

и все мы, всем курсом, были в нее влюблены. Но она нам не давала творческой свободы. Как только мы показывали ей самостоятельную работу, она вылетала на сцену и показывала нам, как нужно делать. И после ее показа казалось, что ничего не нужно делать не только в этом отрывке, но и вообще в актерской профессии. Она нас подавляла своими гениальными показами! И тогда мы договорились с ребятами выставить ее с занятий. Я был старостой, и уж как я ни был в нее влюблен, набрался смелости и сказал: «Марья Ивановна, пожалуйста, пока к нам не приходите. Вы нам только все портите». Она в страшной обиде ушла, сказав, что не придет больше нико-

гда. И мы стали самостоятельно репетировать «Слугу двух господ». Позвали ее. Пришла она злая, ни с кем не поздоровалась. В тот день мы были в ударе. И после спектакля она бросилась нас обнимать, говорить, какие мы у нее гениальные... Вот это, наверное, одно из самых ярких воспоминаний о ней. Еще помню, когда Театр революции, который был в эвакуации в Ташкенте, вернулся в Москву и я увидел Бабанову на сцене после долгого перерыва. И, видимо, их там так избаловала публика, что они все играли чудовищно, все были заштампованы. И Бабанова тоже. Это, кстати, к вопросу влияния зала на актера. После спектакля она меня поймала, спросила: «Что не идешь за кулисы? Как я сегодня играла?» Я говорю: «Марья Ивановна, честно говоря — ужасно». И, думаю, все, отношения испорчены. А она меня схватила за рукав, и мы в примерке часа два разбирали спектакль...

А что вспоминается из того времени, когда вы работали во фронтовом театре Алексея Дикого?

Этот театр существовал очень недолго. Я помню блистательный разбор Диким «Маскарада» Лермонтова. Его Арбенин не ревновал, он плел контринтригу, он играл. Измена Нины, его жены, в чем-то его заводиала, подтверждала негодяйство всех людей, и ему даже от этого становилось легче жить. Дикий применял к Арбенину разные «острые» прилагательные, и вот одна актриса, не выдержав этого, говорит: «Что же вы так обвиняете Арбенина? Он, конечно, злодей, хищник. Но ведь тигр — тоже хищник, нападает на беззащитных коров, а мы же восхищаемся тиграми!» Он говорит: «Особенно умилительно, когда тигром восхищается корова».

Виктор Сергеевич, если бы сейчас вы задумали писать пьесу, какая бы тема вас увлекла? Или герой?

Вопрос очень серьезный. Копнешь жизнь — все интересно. Я несколько лет назад придумал вот. Я представил старую сталинскую квартиру. В ней старик. Он все время молчит. Вокруг жизнь меняется, кого-то сажают, кто-то приезжает, уезжает, а он все время молчит. Конечно, такая пьеса невозможна, но такой человеческий тип, возникший на переломе эпох, я почувствовал. Ведь задача у автора одна — чтобы людям жилось лучше. Кто-то прекрасно сказал: «Жизнь всегда будет достаточно плоха, чтобы желание лучшего не угасало в человечестве». Это продвижение вперед и должен поддерживать писатель. Эти слова я услышал лет сорок назад, и до сих пор я их помню.

Когда вы встречались с вами пять лет назад, вы сказали, что «добрые пьесы несовременны». Вы и сейчас так думаете?

Что это я такое тогда ляпнул? Нет, я так не думаю. Но теперь я гораздо реже хожу в театр, поэтому полно не смогу ответить на ваш вопрос. А года два назад я ходил в театры минимум четыре раза в месяц.

Какие изменения произошли с театральной публикой за время вашей театральной жизни?

Зал зрительный — это собрание самых разных людей, и, когда они смотрят спектакль, одни думают одно, другие — другое. И собираются в зал разные люди, и уходят разными. Я не знаю, но вот мой сын уверяет, что сейчас зал становится, если так можно сказать, несамостоятелен. Зритель приходит на спектакль — а ему уже вдолбили, что такой-то актер — звезда. И он не может допустить, что актер этот плох, раз его много показывают по телевизору, делают с ним интервью... Мне кажется, это глупости. Так могут вести себя только нищие духом. Так поддаваться гипнозу... Многие, очень многие настоящие люди существовали в атмосфере отторжения от общества.

А вы когда-нибудь чувствовали себя отторгнутым от общества?

Нет, я всегда чувствовал, что я с людьми. Даже если писал что-нибудь гадкое про них.

Вам было важно это чувствовать?

Важно. Хотя проблемы социального характера я никогда не ставил. Я писал бытовые пьесы.

Кстати, если продолжить тему «отторжения от общества». Помните известную встречу интеллигенции с Ельциным в Бетховенском зале перед расстрелом Белого дома (когда все говорили: «Борис Николаевич, как это здорово, что вы у власти, разберитесь с противниками...»), вы тогда ушли, а потом произнесли свою знаменитую фразу: «Никогда, даже в сталинские годы я не видел такого холуяжа». Это слово прижилось в русском языке. Разве в то время не случилось некоего отторжения? Мы сейчас не говорим о том, правы вы были или нет.

Я поступил так, как считал необходимым. Я эту мерзкую атмосферу почувствовал сразу и очень удивился, что со мной не вышли другие. Холуяж — это самое отвратительное, что только может быть.

Часто вы становились свидетелем холуяжа?

Не хочу обижать коллег, но холуйских пьес и холуйского поведения было сколько хочешь. Помню, после знаменитой выставки в Манеже, которую разгромил Хрущев, была устроена выставка других художников — где было показано, как надо рисовать. Скупища смертная. Я этих художников обругал на коллегии Министерства культуры... Эта выставка была ужасающей! И никто не сказал слова против, наоборот, пели дифирамбы. Министр культуры Фурцева выступала и говорила самые восхищенные слова. В антракте я подохожу к ней и говорю: «Екатерина Алексеевна, неужели вам этот ужас понравился?» Она: «Конечно нет, вы правы совершенно» — «Почему же вы тогда хвалите?» — «Ну а что же вы хотите? Как же я могу пойти против мнения мастеров искусств?» Холуяж был на всех уровнях. Но, как это ни парадоксально, особенно холуяж развернулся, когда стало больше свободы. И холуяж теперь люди проявляют не по отношению к государству, а по отношению к тем, от кого зависят. Был холуяж от режима, стал — от денег.

А тогда было сложно оттого, что ты просто не знал, где споткнешься. Вроде написал пьесу приличную, а спотыкаешься на чем-то, что к ней не имеет отношения. Помню, как моя пьеса «Гнездо глухаря», которая считалась почти антисоветской, проходила тяжелейший путь к зрителю. Хотя там не было никаких выпадов в сторону партии. И вот, когда пьесу эту хотели поставить в Англии, ее запретила Маргарет Тэтчер! Когда Национальный театр Британии хотел поставить эту пьесу, Тэтчер сказала: «Ставьте советскую пьесу, но учтите, что в следующем году финансирование будет урезано вдвое». Так что в СССР ее не хотели ставить, потому что она антисоветская, а в Англии — потому что советская!

Если бы вы стали главным редактором какого-нибудь журнала, — представим такую ситуацию — о чем бы вы больше писали, в какой тональности?

Мне кажется, если журналом или газетой руководит личность, они неизбежно будут тенденциозными. И это хорошо. Автор должен быть тенденциозен. Личность не должна ничем заслоняться.

Но вы как автор пьес разве были тенденциозны?

Я всегда писал, как думал. И не то чтобы в угоду времени, а в угоду истине. Не какой-то объективной истине, а тому, как я эту истину понимаю. Это самое ценное. Я писал так, как хотел и о чем хотел.